

УДК 177

ПОНЯТИЕ «ЭКСТРЕМИЗМ» В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Тимохин А.М.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Email: philosecon@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о применимости классической доктрины толерантности для формирования политического, юридического и нравственного отношения к экстремизму в рамках гражданского общества и правового государства. Диагностируется кризис отдельных интерпретаций доктрины толерантности, отталкиваясь от парадоксальности утверждения о том, что для сохранения толерантности в обществе необходимо ограничить определенные мнения. Предлагается уточнение смысла понятия «экстремизм» в контексте доктрины толерантности и указывается на критерии, выводящие экстремизм за рамки правомерного поведения без отказа от тех прав и свобод, на обеспечение которых должна быть направлена толерантность. Указывается на сложности определения такого понятия как экстремизм. Рассматриваются различные определения, в том числе, содержащиеся в актах международного права. Утверждается, что решить задачу правового определения экстремизма удалось только для одного из его видов - насильственного экстремизма. Показано, что классическая доктрина толерантности допускает ограничение терпимости для отдельных видов мнений, соответствующих понятию насильственный экстремизм. Выдвигается предположение, что существуют и другие ограничения для терпимости, дается их примерный перечень. Делается вывод о важности реконструкции ограничений терпимости в классической доктрине толерантности для выработки юридических, политических и нравственных норм, регулирующих свободу совести в современном обществе.

Ключевые слова: толерантность, парадокс толерантности, экстремизм, насильственный экстремизм, свобода совести, ограничение свободы совести.

Дискуссия относительно актуальности доктрины толерантности давно перестала быть достоянием только академических кругов. Благодаря лидерам гражданского общества, политикам, юристам, она оказалась сосредоточена вокруг вопроса о том, как концепция толерантности соотносится с вызовами и рисками, возникающими сегодня в сфере безопасности особенно по причине экстремизма сторонников различных версий религиозного и культурного фундаментализма. Многим стало казаться, что практики толерантности делают гражданское общество в цивилизованных странах беззащитным перед угрозами со стороны тех, кто готов использовать терпимость к многообразию мнений в качестве предпосылки для отрицания основоположных прав человека и демократических процедур принятия политических решений.

С конца 90-х годов XX века и особенно после 9/11 начался пересмотр особой роли, приписываемой толерантности в качестве базового принципа

гражданского мира внутри государства и мира между странами. По словам нидерландского философа Тео, де Вита, размышляющего о переоценке политического значения толерантности, это приводит к следующему. «Мы испытываем удивляющее и тревожащее изменение в понятии толерантности... толерантность стала полемической категорией, и ее прежняя умиротворяющая направленность переориентирована на обозначающую ограничения и даже оправдывающую подавление и агрессию имя терпимости» [1, р. 377]. Толерантность, по его мнению, перестает быть общепринятым эффективным инструментом обеспечения гражданского согласия и общественной безопасности, поскольку «в современной демократии легитимно присутствует конфронтация и переговоры между группами различной степени законопослушности, которые пренебрегают толерантностью и осознают это» [1, р. 390]. Осознанное пренебрежение толерантностью в пользу идеологической конфронтации придает любой публичной позиции тон заявлений экстремизма.

Сегодня уже не просто политики, а мировые лидеры вынуждены признавать идейные основания конфликтов, провоцирующих терроризм, и начать говорить об отказе от толерантности. Весной 2017 года Великобритания пережила три террористические атаки, еще пять террористических актов были предотвращены британскими спецслужбами. Это заставило премьер-министра Терезу Мэй объявить о начале нового этапа борьбы с терроризмом, называя ее борьбой с идеологией, и определить ее суть в четырех пунктах. Во-первых, бороться приходится с идеологией, которую нельзя победить военным вмешательством, поскольку речь идет не об организованной группе противников, а об одиночках, зараженных этой идеологией и подражающих друг другу. Во-вторых, для распространения этой идеологии не должно остаться свободного места в мире, включая любые средства массовой информации. В-третьих, слишком большая терпимость к этой идеологии недопустима. В-четвертых, борьба с этой идеологией должна вестись в рамках ее уголовного преследования [2]. Известное издательство Гардиан опубликовало немногословный, как всегда, комментарий, упрекнув премьер-министра в стремлении пойти против устоев толерантности [3].

Идеология, ставшая причиной многочисленных жертв и заставившая правительство Великобритании говорить о недопустимости толерантности, - «это идеология, согласно которой наши западные ценности свободы, демократии и прав человека несовместимы с религией Ислама» [2]. Является ли объявленный главой государства (родиной веротерпимости) пересмотр складывавшихся веками практик толерантности допустимой мерой, которую современное правительство вправе использовать в интересах безопасности для борьбы с экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму? – К чему должен привести пересмотр практик толерантности: к полному отказу от них в отношении лиц, чьи взгляды могут служить экстремизму, или только к частичному ограничению? Эти и многие другие вопросы требуют обратиться к рассмотрению того, в каких границах могут осуществляться практики толерантности? Какую политику в отношении экстремизма можно рассматривать как основанную на доктрине толерантности? Если не существует адекватной угрозам экстремизма политики, основанной на

доктрине толерантности, то от последней, возможно стоит отказаться или существенно пересмотреть отношение к свободе совести и терпимости, к мнениям и образу жизни меньшинств ради обеспечения безопасности большинства, поскольку безопасность составляет основной интерес гражданского общества.

Не удивительно, что доктрина толерантности сегодня кажется несостоятельной и непрактичной: она возникла тогда, когда было важно найти основу мирного сосуществования христианского сообщества альтернативную монополии на религиозную жизнь, принадлежащей католической церкви. Легко предположить, что принципы, положенные в основу доктрины толерантности, имели культурно-исторический потенциал, ограниченный рамками западно-христианской цивилизации эпохи Модерна, и утратили свою нормативно-практическую значимость в постсекулярных условиях глобального поликонфессионального и мультикультурного сообщества [4, р. 835; 5, р. 1479]. Поэтому цель проводимой в статье реконструкции доктрины толерантности – предложить, если не аутентичное понимание ее изначальных принципов в современных условиях, то хотя бы приемлемость заключенного в ней универсального нормативного смысла для цивилизованного общества, желающего, будучи свободным и демократичным, оставаться в безопасности от угроз, которые несет в себе радикализация, приводящая к террору. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы «поместить» проблему экстремизма в контекст классической доктрины толерантности с тем, чтобы увидеть «реакцию», которую она может вызывать, и понять, действительно ли экстремизм порождает так называемый парадокс толерантности. Новизна предлагаемой реконструкции представлена уточнением смысла понятия «экстремизм» в контексте доктрины толерантности и указанием на критерии, выводящие экстремизм за рамки правомерного поведения без отказа от тех прав и свобод, на обеспечение которых должна быть направлена толерантность.

Поэтому, в отношении смысла концепта «экстремизм» уместно будет выявить его в наиболее актуальных и значимых контекстах, которые представлены документами ООН и других международных организаций, а также в национальных законодательствах цивилизованных государств. Противоположным образом следует поступить со смыслом термина «толерантность» и доктриной толерантности, рассматривая их наиболее ранние версии, пытаясь в них найти ответ на вопрос об отношении доктрины толерантности к проблеме собственных границ.

Термин экстремизм впервые появляется на страницах англоязычных газет в 40-е годы XIX века. Особую популярность он приобрел в американской прессе в конце гражданской войны, когда журналисты стали называть так непримиримых сторонников ее продолжения [6, 7]. В середине XX века термин стал использоваться для характеристики тоталитарных идеологий, рассматривающих террор как инструмент обретения и удержания политической власти (фашизм, коммунизм). Тогда же возник и правовой прецедент признания международным преступлением не просто конкретных действий, а идеологии. Прецедент довольно спорный, заставивший говорить о парадоксальном характере права толерантности, утверждающего неограниченную свободу убеждений, с одной стороны, но

объявляющего отдельные мнения недопустимыми и заслуживающими преследования, в том числе и уголовного. Такие мнения стали называть радикальными или экстремистскими.

Термин «экстремизм» получил широкое распространение в послевоенной политической публицистике для обозначения противозаконной деятельности религиозных, этнических и культурных меньшинств в государствах, где правительство и большинство отказывали таким меньшинствам в признании, равенстве прав, а порой их даже дискриминировали или преследовали. Несмотря на то, что термин «экстремизм» имеет не очень долгую историю, явление, которое им обозначается, в той или иной степени осознавалось и подвергалось рефлексии в контексте западной традиции политической мысли, начиная с античности. Новшеством последних десятилетий можно считать стремление выработать научное понимание экстремизма в рамках политической теории, учитывающей социальные и психологические корни данного явления. Также предпринимаются попытки дать экстремизму правовое определение.

Например, И.И. Бикеев и А.Г. Никитин предлагают следующую интерпретацию экстремизма как правового явления. «С позиции права экстремизм рассматривается как агрессивное, социально негативное, общественно опасное явление, которое служит «олицетворением определенного рода негативных проявлений, имеющих своей целью породить у членов мирового сообщества сомнения в возможности поддержания стабильности в мире на принципах демократии, уважения прав и свобод человека и гражданина», которое «не может существовать вне связи с преступностью» и направлено «на изменение основ конституционного строя страны, возбуждение политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды через применение насилия (угрозу его применения), причинение имущественного либо физического вреда, а равно призывы к указанным действиям» [8, с. 118-119]. Необходимо признать, что их позиция основывается на масштабном исследовании научной литературы и нормативно-правовых актов, появившихся, начиная с 80-х годов, и так или иначе трактующих природу экстремизма. Однако принципиальным недостатком такого понимания экстремизма как «общественно опасного явления» остается то, что его невозможно использовать для того, чтобы сформулировать уголовные нормы, объявляющие экстремизм преступлением и устанавливающие меры наказания, устраняющие и предотвращающие его последствия.

Некоторые государства, в том числе Российская Федерация, попробовали включить понятие экстремизма в свое законодательство. Однако подобные попытки вызвали критику, поскольку данные в нормах определения экстремизма оказались диффузными [9, 10]. С одной стороны, как отмечал бывший генеральный прокурор Российской Федерации В.В. Устинов, понятие экстремизма сложно отделить от понятия о терроризме [11, с. 19]. С другой стороны, под даваемое экстремизму определения могут подпадать действия, являющиеся неотъемлемой частью реализации прав и свобод человека в демократическом обществе. На это указала Европейская комиссия против расизма и нетерпимости: «имеется не только широкое поле для злоупотребления этим законом, но и тем, что закон используется

чрезмерно широко и иногда по вопросам, которые не должны относиться к его сфере действия» [12, с. 18]. Поэтому многие эксперты считают, что определение экстремизма в Федеральном законе о противодействии экстремистской деятельности должно быть пересмотрено таким образом, чтобы оно распространялось лишь на серьезные случаи, связанные с ненавистью и насилием.

Опыт различных государств - членов Совета Европы, США, Канады, Австралии и других стран, отстаивающих верховенство права, свидетельствует о том, что они также не смогли или не посчитали нужным включить определение экстремизма в свое законодательство. Похоже, что ни в настоящий момент, ни в ближайшем будущем нельзя рассчитывать на появление более-менее стандартного международно-правового определения того, что такое экстремизм.

Не только расплывчатость используемых в национальном законодательстве правовых формулировок сущности экстремизма или их отсутствие, мешают формированию общепринятой правовой оценки рассматриваемого явления. Еще одна важная причина критики подобного законодательства заключается в том, что оно заставляет забыть о толерантности как правовом условии осуществления свободы совести. Поэтому позволяет объявить любую позицию, отличную от государственной, экстремистской, если ее сторонники связывают свою позицию с необходимостью политических изменений в стране. Попытка дать правовое определение экстремизма вне контекста института свободы совести и права толерантности, без учета, связанных с этим контекстом сложностей оборачивается тем, что появляются юридические химеры или, лучше сказать, «уродцы» вроде понятия «либеральный экстремизм» – бессмысленного и смешного одновременно.

Между тем, определенные шаги, направленные на то, чтобы уточнить значение термина экстремизм все-таки предпринимаются и связаны они, прежде всего, с тем, чтобы уйти от многочисленных политических и религиозных коннотаций, сосредоточившись на выявлении правовой сути явления. Свидетельством этого процесса можно считать появление в международном праве понятия «насильственный экстремизм» («воинственный экстремизм» один из вариантов перевода) [13, с. 33]. Одно из первых определений насильственного экстремизма как всего, что «относится к пропаганде, привлечению и подготовке или иной поддержке идеологически мотивированного или оправданного насилия для достижения в дальнейшем социальных, экономических и политических целей» было предложено в 2011 году [14, р. 2]. С тех пор термин прочно вошел в дискурс международного права, появившись на страницах многих нормативно-правовых актов. В 2015 году были представлены три важных международных документа, раскрывающих суть этого понятия: Резолюция 30/15, принятая Советом по правам человека 2 октября 2015 года «Права человека и предупреждение насильственного экстремизма и борьба с ним», Резолюция 70/109. «Мир против насилия и насильственного экстремизма», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 2015 года, и План действий по предупреждению насильственного экстремизма, предложенный Генеральным секретарем ООН 24 декабря 2015.

Важно отметить, что этими международными документами не только определяется природа насильственного экстремизма, но и устанавливается

соотношение насильственного экстремизма и толерантности. В них находит свое понимание то, что толерантность и насильственный экстремизм являются противостоящими друг другу принципами. «Проявление терпимости является одним из принципов, которых необходимо придерживаться для достижения целей предотвращения войны и поддержания мира, которые преследует Организация Объединенных Наций, и будучи убеждена в том, что уважение и защита всех прав человека и основных свобод всех лиц, а также терпимое, уважительное и почтительное отношение к другим людям и способность сосуществовать с другими людьми и прислушиваться к их мнению являются прочной основой любого общества и мира» [15]. Вместе с тем, подчеркивается, что насильственный экстремизм является противоположностью толерантности, поскольку он основывается на ее отрицании, распространяя «идеи нетерпимости — религиозной, культурной, социальной» [15]. По сути же «акты, методы и практика насильственного экстремизма во всех их формах и проявлениях являются деятельностью, которая направлена на подрыв осуществления прав человека и основных свобод, подрыв территориальной целостности и безопасности государств и дестабилизацию легитимно сформированных органов власти». Как подчеркивается в Плане действий, «воинствующие экстремисты создают прямую угрозу для осуществления прав человека — от права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность до права на свободу выражения мнений, ассоциации, мысли, совести и вероисповедания» [15].

Таким образом, следует признать, что сегодня с юридических позиций уместно говорить не об экстремизме вообще, а именно о насильственном экстремизме, понимая под ним преступление, совершаемое против толерантности как гарантии безопасности и соблюдения основоположных прав и свобод человека в демократическом правовом государстве. Такой *насильственный экстремизм представляет собой оправдание и распространение практики противоправного применения силы или угроз применения силы, основанное на отрицании или ограничении прав человека, демократии и основоположных свобод, продиктованное нетерпимостью и ненавистью, преследующее антигуманные цели*. Само по себе отрицание прав человека, демократии и основоположных свобод не является экстремизмом, оно может быть продиктовано временным или непреодолимым непониманием, вызванным предрассудками, культурными и интеллектуальными различиями. Экстремизмом оно становится лишь тогда, когда превращается религиозными, социальными или этническими группами и их представителями в инструмент для достижения политических целей, противоречащих принципу толерантности и несовместимых с правами и свободами других людей. Насильственный экстремизм является чаще всего позицией меньшинства, поскольку случаи, когда члены общества, в большинстве склонных к отрицанию свобод и демократических процедур принятия значимых решений, встречаются довольно редко. Тем не менее, тоталитарные общества служат наиболее типичным примером того, что большинство может поддерживать теорию и практику экстремизма. Развитие практик толерантности и распространение политики мультикультурализма могло бы привести к устранению почвы для экстремизма при

условии, что все члены международного сообщества будут действовать в интересах верховенства права.

Поскольку доктрина толерантности, а точнее ее отрицание, составляет сущность насильственного экстремизма, необходимо снова обратиться к ее ключевым принципам с тем, чтобы понять, какие пределы устанавливаются ею для недопущения насильственного экстремизма как своей противоположности. Такое обращение может показаться странным, поскольку доктрину толерантности и появление понятия «насильственной экстремизм» разделяют более 300 лет и подобная историческая ретроспекция, помещение современного понятия в чуждый ему социальный и культурный контекст может восприниматься как не вполне методологически оправданное решение. Между тем, одно обстоятельство, касающееся формулировки Дж. Локка основополагающих идей доктрины толерантности, указывает на то, что обращение к этим идеям и сегодня имеет свой смысл. Как известно, в своем «Опыте о веротерпимости» Дж. Локк отказывает в праве на толерантность католикам: «относительно папистов, известно, что некоторые из их опасных мнений, которые абсолютно разрушительных для всех правительств, но не папского, не должно терпеть при распространении этих мнений; и кто бы ни пытался распространять или публиковать любые из них, магистрат обязан усмирить его настолько, насколько достаточно, для того чтобы сдерживать это» [16, р. 151]. Конечно, католицизм в тогдашней Англии не был экстремизмом в современном понимании, однако это не мешало увидеть в проводимой им политике ту же позицию, которую современное международное право идентифицирует как насильственный экстремизм. Ограничение толерантности было и оставалось существенным элементом учения Дж. Локка о веротерпимости, а вовсе не проявлением его субъективной антипатии к католикам. Поэтому исторически неверно считать, что либеральное учение о веротерпимости изначально не содержит указаний на то, что толерантность может и должна быть ограничена в известных случаях.

В заключении можно попытаться наметить ряд важных позиций, отражающих как возможность включения понятия «экстремизм» в доктрину толерантности, так и те, санкции, которые могут быть предусмотрены для приверженцев подобных установок. Во-первых, толерантность распространяется только на мнения и их выражения, но не может гарантировать носителям этих мнений иммунитет от наказания за действия, связанные с доказательством правильности таких мнений, если они наносят ущерб другим людям. Особенно это касается действий, равносильных принуждению к согласию с их мнениями. Эту границу толерантности вполне адекватно описывает утвердившееся в международном праве понятие «насильственный экстремизм». Во-вторых, толерантность не распространяется на мнения тех, кто рассматривает сам факт их наличия как основание для политически значимых действий в отношении других людей. Не распространяется до тех пор, пока не будет установлено, что такие действия не влекут за собой вреда большего, чем вред, который их запрет может принести практике толерантности. Другими словами, речь идет о «динамической нетолерантности», порождаемой в ходе политической дискуссии о действиях,

которые могут нанести вред институтам гражданского общества, и ограничении права на мнения, которые могут привести к совершению таких действий. В-третьих, для доктрины толерантности существенным остается различие между индивидуальным мнением и мнением организованной в политическом отношении группы, или отличие между частным и публичным мнением. Неограниченная толерантность может быть оправдана лишь в отношении частного мнения, при условии, что это мнение не служит основанием для действий, причиняющих вред другим людям.

Перечисленные положения содержатся имплицитно в той версии доктрины толерантности, которая стала неотъемлемой частью конструкции публичной сферы эпохи Модерна. Эти положения позволяют не только снять с доктрины толерантности обвинения в распространении экстремизма, но и «вписать» возможность противодействия экстремистским убеждениям в практики терпимости. Их более детальная реконструкция по-прежнему является важным условием, на котором парадокс толерантности может быть воспринят не просто как указание на границы толерантности, но и как ключ к формулировке принципа толерантности применительно к юридической, нравственной и политической практике.

Список литературы

1. Theo de Wit W.A. Why tolerance cannot be our principal value / W.A. Theo de Wit // *International Journal for Philosophy and Theology*. – 2010. – № 7 (1:4). – pp. 377-390.
2. Read Prime Minister Theresa May's Full Speech on the London Bridge Attack. URL:<https://time.com/4804640/london-attack-theresa-may-speech-transcript-full/> (Дата обращения: 04.11.2019).
3. The Guardian view on Theresa May's plans on terror: they are wrong. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/04/the-guardian-view-on-theresa-may-plans-on-terror-they-are-wrong> (Дата обращения: 04.11.2019).
4. Cohen A. J. What Toleration Is // *Ethics*. – 2004. – Vol. 115, No. 1. – Pp. 68-95.
5. Rosenfeld M. Extremist Speech and the Paradox of Tolerance // *Harvard Law Review*. – 1987. – Vol. 100, No. 6. – Pp. 1457-1481
6. Backes U. Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. Elemente einer normativen Rahmentheorie / U. Backes. – Springer Fachmedien Wiesbaden, GmbH., 1989. – 385 p.
7. Backes, U. Political Extremes: A Conceptual History from Antiquity to the Present / U. Backes. – London: Routledge, 2010. – 312 p.
8. Бикеев И.И., Никитин А. Г. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование: монография / И.И. Бикеев, А.Г. Никитин. - Казань: Познание, 2011. – 320 с.
9. Устинов В. В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // *Российская юстиция*. – 2002. – № 5. – С. 34-36.
10. Смертин А. Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятий // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2009. – №1. – С. 54-59.
11. Устинов В. В. Обвиняя терроризм / В. В. Устинов. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 432 с.
12. ECRI Report on the Russian Federation (fourth monitoring cycle). Adopted on 20 June 2013. Published on 15 October 2013. URL: <https://rm.coe.int/fourth-report-on-the-russian-federation/16808b5bb4> (Дата обращения: 04.11.2019).
13. Абашидзе А. Х., Мельшина К.Ю. Борьба с экстремизмом: актуальная проблема повестки дня ООН // *Евразийский юридический журнал*. – 2016. – №2. – С. 32-37.
14. The Development Response to Violent Extremism and Insurgency. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pdacs400.pdf (Дата обращения: 04.11.2019).

15. Plan of Action to Prevent Violent Extremism. Report of the Secretary-General. 24 December 2015. A/70/674. URL: <https://undocs.org/en/A/70/674> (Дата обращения: 04.11.2019).
16. Locke J. Locke: Political Essays. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 456 p.

Timokhin A.M. The Concept of “Extremism” in the Context Doctrine of Toleration // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4 P. – 85-94

The article discusses the classical doctrine of tolerance applicability for the formation of a political, legal and moral attitude towards extremism in the limits of the civil society and rule of law. The doctrine of tolerance individual interpretations crisis is emphasized, basing on the paradoxicality of the assertion of the necessity of the limitation of some certain opinions for the tolerance preservation in the society. A clarification of the meaning of the concept of “extremism” in the context of the doctrine of tolerance is proposed and the criteria that extend extremism beyond the framework of lawful behavior without giving up those rights and freedoms to which tolerance should be directed are indicated. The complexities for the identification of the extremism notion are indicated. Various definitions of the notion are considered, including those contained in the acts of international law. It is alleged that the problem of the legal definition of extremism notion was solved only for one of its types – violent extremism. It is shown that the classical doctrine of tolerance admits the limitation of tolerance types of opinions that correspond to the concept of violent extremism. The assumption is put forward that there are some other restrictions for the tolerance and the approximate list is presented. The conclusion is drawn about the importance of the reconstruction of the limitations of tolerance in the classical doctrine of tolerance for the development of legal, political and moral standards regulating the freedom of conscience in a modern society.

Keywords: tolerance, the paradox of tolerance, extremism, violent extremism, freedom of conscience, the restriction of freedom of conscience.

References

1. Theo de Wit W.A. Why Tolerance Cannot be our Principal Value / W.A. Theo de Wit // International Journal for Philosophy and Theology. 2010, № 7 (1:4), pp. 377-390.
2. Read Prime Minister Theresa May's Full Speech on the London Bridge Attack. URL: <https://time.com/4804640/london-attack-theresa-may-speech-transcript-full/> (Accessed: 04.11.2019).
3. The Guardian view on Theresa May's plans on terror: they are wrong. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/04/the-guardian-view-on-theresa-may-plans-on-terror-they-are-wrong> (Accessed: 04.11.2019).
4. Cohen A. J. What Toleration Is // Ethics. 2004, Vol. 115, No. 1, pp. 68-95.
5. Rosenfeld M. Extremist Speech and the Paradox of Tolerance // Harvard Law Review. 1987, Vol. 100, No. 6, pp. 1457-1481.
6. Backes U. Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. Elemente einer normativen Rahmentheorie / U. Backes. Springer Fachmedien Wiesbaden, GmbH., 1989, 385 p.
7. Backes, U. Political Extremes: A Conceptual History from Antiquity to the Present / U. Backes. London, Routledge, 2010, 312 p.
8. Bikeev I.I. Ekstremizm: mezhdisciplinarnoe pravovoe issledovanie: monografiya [Extremism: an Interdisciplinary Legal Study]. Kazan, Poznanie, 2011, 320 p.
9. Ustinov V. V. Ekstremizm i terrorizm. Problemy razgranicheniya i klassifikacii [Extremism and Terrorism. The Problem of Demarcation and Classification]. Rossijskaya yusticiya [Russian Justice]. 2002, № 5, pp. 34-36.
10. Smertin A. N. Ekstremizm i terrorizm: nekotorye podhody k opredeleniyu ponyatij [Extremism and Terrorism: Some Approaches to Defining Concepts]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Sankt-Petersburg's University of MIAR]. 2009, №1, pp. 54-59.
11. Ustinov V. V. Obvinayaya terrorizm [Blaming Terrorism]. Moscow, Olma-Press, 2002, 432 p.

12. ECRI Report on the Russian Federation (fourth monitoring cycle). Adopted on 20 June 2013. Published on 15 October 2013. URL: <https://rm.coe.int/fourth-report-on-the-russian-federation/16808b5bb4> (Accessed: 04.11.2019).
13. Abashidze A. H. Mel'shina K.Y. Bor'ba s ekstremizmom: aktual'naya problema povestki dnya OON [The Fight against Extremism: an Urgent Issue on the Agenda for the UN]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Journal of Law]. 2016, №2, pp. 32-37.
14. The Development Response to Violent Extremism and Insurgency. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pdacs400.pdf (Accessed: 04.11.2019).
15. Plan of Action to Prevent Violent Extremism. Report of the Secretary-General. 24 December 2015. A/70/674. URL: <https://undocs.org/en/A/70/674> (Accessed: 04.11.2019).
16. Locke J. Locke: Political Essays. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, 456 p.